Клеопатра
АТАНАССИУ-ПОПЕСКО

Техника интерпретаций в детском психоанализе

УДК 615.8
ББК 53.57
А24

Перевод с французского *Инна Кушнарёва*
Научный редактор *Ирина Сизикова*

Атанассиу-Попеско, К.
А24 Техника интерпретаций в детском психоанализе [Электронный ресурс] / К. Атанассиу-Попеско ; пер. с франц. — 2-е изд (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 116 с.). — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2018. — (Современный психоанализ: теория и практика). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

ISBN 978-5-7312-0929-8

Из этой книги читатели узнают о том, что детей нужно не просто любить и воспитывать, но и уметь «контейнировать», то есть устанавливать границы между неудержимой экспансией ребёнка и внешним миром и другими людьми. А понимание того что подробного «контейнирования» не хватало в детстве, в свою очередь поможет взрослым разобраться в их нынешних психологических проблемах.

УДК 615.8
ББК 53.57

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Техника интерпретаций в детском психоанализе / К. Атанассиу-Попеско ; пер. с франц. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016. — (Современный психоанализ: теория и практика). — 116 с. — ISBN 978-5-88230-325-8.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-7312-0929-8

© Институт общегуманитарных исследований, 2016

A. Предварительные замечания

Интерпретация связана главным образом с содержанием сеансов, которые дают для нее материал. Поэтому третья часть разделяется на шесть глав, которые должны охватить многочисленные и разнообразные проблемы интерпретации, образующие центр техники.

Краткие размышления об истории интерпретации открывают дискуссию о ее природе. В силу чего врачебное вмешательство — или его отсутствие — получает статус интерпретации? Почему этот термин объединяет такие разные области, как театр, любого рода факты, не говоря уже об особенно остром вопросе перевода?

Что касается специфики психоаналитической области, интерпретативная работа подготовлена содержанием главы D «Перед интерпретацией». Именно на этом уровне вырабатываются гипотезы, которые посредством вмешательства подготавливают «почву для интерпретации», сплетая ткань взаимодействий между предсознательным аналитика и пациента.

Время интерпретации, достойной так называться, приходит тогда, когда аналитик чувствует, что его пациент способен его услышать; это время, таким образом, следует отличать от всего того, что ему предшествовало.

Дело на этом не заканчивается, потому что аналитик должен понаблюдать за тем, как пациент реагирует на его интерпретацию. Какие выводы он сделает из этой реакции? Опровергает или подтверждает его реакция его правоту? Здесь тоже не следует доверять видимостям, и аналитик должен дождаться ассоциаций от самого пациента, которые отнюдь не всегда будут осознанными; именно реакция позволит ему понять, уловил ли пациент или нет то, что предложил аналитик, пытаясь придать смысл его словам.

Итак, из чего складывается это содержание? Разделяя анализ ребенка и анализ взрослого, некоторые аналитики в прошлом удивлялись тому, что анализ может принести пользу ребенку, учитывая его ограниченное языковое развитие. Это мнение было основано на идее, что анализ работы психики происходит только через словесное выражение, учитывая, что со времен Фрейда психоанализ пошел именно по этому пути.

Единственный анализ ребенка, предпринятый Фрейдом[1], опирался на голос взрослого, поскольку маленький Ганс разговаривал через своего отца, который аккуратно передавал его слова Фрейду. У Фрейда не было никакого прямого доступа к какому-либо иному материалу: играм, рисункам или различным способам самовыражения ребенка.

Когда мы видим, как квалифицированно он говорит об «игре с катушкой», у нас не остается сомнений, что если бы у него был тот материал, которые есть сегодня у нас благодаря нашим сеансам с детьми, Фрейд с его гениальным даром понимать язык детей смог бы разобраться даже с теми, кто не разговаривает. Но тем не менее мы остались с идей, что для того, чтобы психоанализ принес пользу, нужно разговаривать. Это означает, что мы опирается только на те процессы, которые, как нам кажется, помогут нам обойтись без работы с эмоциями ребенка, который еще не сумел придать им символическую форму. Наша задача — помочь ему получить доступ к этой форме. Символическая форма, которую предлагает язык, часто удерживает нас на поверхности коммуникации со взрослым человеком и создает у аналитиков, у которых нет опыта анализа ребенка во взрослом или просто анализа детей, иллюзию, что можно оставаться на этом уровне. Это ошибка, потому что если не схватывается все, что располагается по ту сторону языка взрослого, невозможно понять трансформацию и выработку того, что так и не удалось сформулировать.

Язык эмоций, которые переживает ребенок и взрослый во всей их конкретности, проявляется и в материале взрослого, и в материале ребенка. Практика анализа ребенка позволяет напрямую выйти на эту трудность, потому что для ребенка совершенно естественно говорить из самых глубин свой психики при посредстве рисунка, игры, лепки из пластилина и различных ассоциативных актов, которые являются его способом сообщить о своих эмоциях и смысл которых от него скрыт или вообще пока для него отсутствует. Таким образом, аналитик должен придать смысл или форму тому, чего еще нет; он должен превратить в репрезентацию то, что пока еще существует внутри него в форме шума, как это хорошо осмыслил Бион[2]. Если до таких уровней прямой коммуникации, какие бывают у ре-

[1] Freud S. Analyse d'une phobie chez un petit garcon de 5 ans (Le petit Hans) // Cinq psychanalyse. Trad. M. Bonaparte et R. M. Loewenstein. Paris: PUF, 1954.

[2] *Bion W.R.* Eléments de psychanalyse. Trad. Fr. Robert. Paris: PUF, 1979.

бенка, не удается добраться у взрослого, мы можем усомниться в том, что анализ глубоко и надолго затронул пациента. Анализ детей, таким образом, — прекрасная школа, которую полезно пройти всякому, кто хочет заниматься психоанализом взрослых.

Большая разница между анализом ребенка и анализом взрослого в том, что касается интерпретации, тем не менее, состоит в ее стиле. Чтобы говорить с детьми, нужно быть поэтом. Когда доносишь смысл материала до взрослого, им тоже нужно быть. Без сомнения, интерпретация — это искусство. Но поэзия, адресованная детям, отличается от поэзии, адресованной взрослым, и она прибегает к другим образам, хотя они обе и относятся к одной виду искусства: словесному. Искусство может тяготеть к искусственности или к ремеслу; ясно, что, если речь несет в себе глубокие эмоции, она не может быть чисто искусственным ухищрением, скользящим по поверхности слов и их игры. Она скорее передает глубокую связь, унаследованную от игры и от тела, которая устанавливается между словесным выражением и лежащими за ним переживаниями.

Тем не менее аналитическое искусство — это еще и ремесло в той мере, в которой ремесленник, например ткач, приспосабливается к материалу, с которым работает. Так и аналитик должен подстроиться к психической реальности своего пациента и к его эволюции. Его творение зависит только от его собственного вдохновения и, в отличие от романиста, он не может развивать характер своего персонажа, как ему вздумается; он должен учитывать сопротивление, которое оказывает реальность его пациента. Эта практика, хотя она и носит ремесленный характер, не в меньшей степени является искусством. Именно поэтому техника не имеет никакого отношения к фабрикации своего объекта. Ничего неизвестно заранее, и все должно держаться за нить, которая соединяет психику одного человека с психикой другого.

A.1 Первое собеседование с ребенком

Этот пункт заслуживает более подробного обсуждения, потому что ребенок предстает на своем первом сеансе таким, как он есть. Если он очень болен, то он с самого начала вступает в аналитическую ситуацию так, как будто нет никакого барьера сознания, который отделял бы его от прямой связи с психикой аналитика. Я вспоминаю психотическую девочку, которая пришла ко мне на нашу

первую встречу, как будто мы были старыми знакомыми, бросив мне с рассеянным видом: «У меня нет парикмахера». Она интуитивно угадала роль, которую я должна буду для нее сыграть, и ожидала, что я буду заниматься ее головой.

Обычно я советую родителям предупредить детей о предмете нашей работы. Я делаю это во время нашего первого собеседования с ними и таким образом подготавливаю появление ребенка. Сказав, что они идут ко мне, они могут объявить ребенку, что я готова его принять и что, слушая то, что они мне рассказывали о нем, о его проблемах, я высказала такие-то соображения и что я хочу, чтобы он сам мне об этом рассказал.

Так например, раздражительному ребенку, который, однако, считается с другими людьми, можно заранее сказать: «Мы были у мадам Атанассиу и рассказали ей, как ты злишься. Она спросила нас, много ли у тебя друзей, и мы ответили, что нет, тогда она сделала предположение, что, возможно, в этом причина твоей раздражительности. Она очень хотела бы, чтобы ты сам ей рассказал…».

В случае ребенка, страдающего фобией, начавшейся, судя по тому, что говорят его родители, после того, как у него родился маленький брат, можно предложить сказать: «Мадам Атанассиу спрашивает, всегда ли у тебя были эти страхи или же однажды появился тот, кто тебя испугал?».

Мои слова, переданные родителями, служат мостиком для нашей первой встречи. Но когда мы спрашиваем ребенка, понимает ли он, почему он к нам пришел, он очень часто колеблется, прежде чем доверится нам. Иногда нужно прямо спросить, что его беспокоит, и сослаться на разговор с родителями. Например: «Когда я виделась с твоими родителями, они сказали мне, что тебе страшно по ночам. Ты тогда просыпаешься в темноте?». Это может помочь запустить поток ассоциаций, позволяющих ребенку постепенно начать нам рассказывать, что идет не так.

М. Кляйн требовала от ребенка во время первого сеанса осознать свой симптом и четко сформулировать, что его мучает. Это позволяло установить с ребенком отношения, в которых роли четко определены, каковы бы ни были фантазии, которые позднее трансформируют терапевта в персонажа внутреннего мира ребенка. По крайней мере, его Я сразу поймет, кто — врач, а кто просит о помощи. Тогда образуется своего рода терапевтический альянс или контракт между двумя сторонами. Неплохо добиться этого на первом

же сеансе, кроме того, необходимо, чтобы ребенок занял по отношению к его терапевту позицию, которую мы только что видели. Мне кажется, что, хотя это несложно для большинства невротических детей, психотическим детям это дается с большим трудом. Преимущество этого взгляда в том, что с самого первого собеседования он указывает ребенку на смысл данного действия: не только родители обращаются за помощью для него, но и он сам.

М. Кляйн подчеркивала трудности последующей работы, если ребенок хотя бы в минимальной степени не признает, что страдает, и не пытается понять смысл своих страданий.

Игровой материал, предоставляемый ребенку, с самого первого собеседования может стать его собственным, если терапия продолжится: его коробка с игрушками, папка и карандаши. Мы видим, как ребенок смотрит на тот или иной вид материала, и нужно дать ему возможность свободно выбирать то, что ему нужно, не навязывая, например, тему рисунка (семья и т.д.). Первое собеседование — это не тест. Некоторых детей не нужно просить взять игровой материал, они сами сразу же к нему направляются, не сказав ни слова. Для малыша, согласившегося расстаться с мамой, даже не обернувшись в ее сторону, это порой способ не страдать из-за ее отсутствия. Пробуждение обычно наступает во время сеанса по прошествии какого-то времени: он слишком много возомнил о своих силах, и желательно было на первый раз оставить мать или отца вместе с ним. Как правило, это подходит только совсем маленьким детям, и мы заранее планируем во время собеседования с родителями, останутся они с ребенком или нет. Довольно часто через пару сеансов ребенок уже не боится оставаться один с аналитиком.

Точно так же, как собеседование с родителями дает им представление о том, как мы работаем с ребенком, наш первый сеанс с ребенком представляет нас ему: помимо всего того, что мы сознаем, он также улавливает в нашем отношении, в том, что мы говорим или о чем молчим, нашу готовность его принять. У него тоже складывается представление о той работе, которую нам предстоит проделать.

В связи с этим некоторые аналитики ратуют за то, чтобы представлять интерпретацию и детям и взрослым по мере, того как возникает материал. Эта тема пройдет красной нитью через наши размышления. Всякий раз, когда у нас возникает интерпретация представленного материала, мы сталкиваемся с проблемой формулировки. Мы поймем, что существует разрыв, или даже большой разрыв, между тем

моментом, когда мы что-то схватываем в пациенте — неважно, принимает это «схватывание» форму инсайта или нет — и между моментом, когда мы излагаем свою мысль. Я хочу этим сказать, что для интерпретации нужно время. По моему мнению, преждевременно давать пациенту интерпретацию, если связь переноса еще не до конца установилась или не была проверена на прочность во время сеансов. Некоторые аналитики предлагают с самого начала анализировать пред-перенос, опираясь на то, какое место пациент приписывает аналитику еще до того, как началось лечение. Все это кажется мне преждевременным, и такой стиль «знакомства» не по мне. Я никогда не буду спешить, ни в случае ребенка, ни в случае взрослого пациента, понимать или формулировать то, что поняла. Об этом я тоже косвенным образом сообщаю пациенту.

Но, возразят мне на это, ребенку, которому приснился сон или который нарисовал рисунок, эксплицитным образом представляющий его проблему, нужно только одно — чтобы мы перевели это в слова. А иначе зачем он приходил с этим материалом? Я бы ответила, что то, что я представила ему мое восприятие вещей, не значит, что у него появилось чувство, что я его не поняла.

Понять — значит держать в контейнере на протяжении какого-то времени, обещая пациенту, что он будет чувствовать, как его контейнируют. Для этого также нужно, чтобы контейнирующая физическая, а также психическая, оболочка, состоящая из рефлексивного внимания, не торопилась объяснять природу того, что ее затронуло. Скорость этой реакции напомнила бы пациенту и ощущалась бы им как щелчок резинки, на которую никак не влияет тот, кто ее трогает. Аналитическое отношение заключается в приятии, а не в желании поскорее сделать явным то, что таковым не является. Поэтому аналитики не должны спешить избавиться от проблемы; они не должны стараться пустить пыль в глаза; именно страдая из-за того, что они не понимают, они соглашаются идентифицироваться с пациентом до тех пор, пока от него не отстранятся, представив ему их собственный взгляд на его проблему.

Нельзя забывать, что мы предстаем перед пациентом, а значит, и перед ребенком, вместе с нашей сознательной и бессознательной манерой поведения. Ребенок будет приспосабливать свою манеру поведения к нашей, а мы будем приспосабливаться к его. Есть выражение, которое хорошо передает суть того, за что я ратую: «Уважать защитные механизмы пациента». Уважать — не значит идти

на поводу. Очень часто мы им поддаемся и освобождаемся потом от них при помощи анализа контрпереноса.

Пациент чувствует, что мы намерены его понять; но для этого мы должны смириться с тем, что понимать его придется не поверхностно, не только при помощи имеющегося у нас набора диагнозов.

Эта презентация разыгрывается с самого первого сеанса; и сразу же подбросить пациенту то, что мы о нем поняли, — значит упустить время для знакомства.

A.2 Продукция ребенка

A.2.1 Игра

Ребенок играет, рисует, говорит — или не говорит — иногда пересказывает сны. Его тело легко берет на себя функции выражения в отсутствие средств символизации и вмещает в себя бьющие через край влечения: либо когда тело беспокойно двигается, либо когда обмякает под действием болезни. Именно поэтому родителям рекомендуют приводить детей на сеанс, даже когда у них немного болит горло, небольшой гастроэнтерит или легкий грипп — конечно, если разрешил врач. Мы объясняем им, что отчасти дело в реакции, связанной с психическим потрясением, которую необходимо проработать во время сеанса.

Первое средство выражения ребенка — игра. Поэтому он должен иметь в своем распоряжении ящик с игрушками, о котором я говорила выше. Мы знаем, что играя, ребенок представляет спектакль, который на самом деле происходит в его внутреннем мире. Это театр, в котором он одновременно и актер, и зритель. И ему не всегда легко смириться с вмешательством аналитика, потому что оно прерывает спектакль. Все происходит так, как будто, увлекшись игрой, ребенок забывает о нашем присутствии или выводит нас за кадр. Наше вмешательство в таком случае столь же резко прерывает спектакль, как зритель, который вместо того, чтобы сидеть на своем месте, вдруг встает и начинает комментировать действие пьесы. Какой скандал! Ребенок хочет, чтобы мы занимали позицию восприимчивого зрителя, но при этом имели установку невмешательства в то, что он производит: эта ситуация характерна для игры. Некоторые дети отворачиваются и какое-то время говорят сами с собой.. Мы не имеем доступа к их внутреннему театру и можем только интерпретировать проективный аспект их механизма: они хотят, что-

бы мы почувствовали себя исключенными из интересного зрелища так же, как они чувствовали себя исключенными из наших занятий, когда мы с ними расстались. Интерпретацию целесообразно давать, когда ребенок, обеспокоенный нашим молчанием, начинает к нам поворачиваться. Если мы заговорим в тот момент, когда он «выставил нас за дверь», он истолкует наши слова как просьбу о помощи в связи с тем, что эта ситуация для нас невыносима.

В таких случаях я прошу ребенка через некоторое время прервать игру — потому что она может продолжаться до самого конца сеанса — повернуться ко мне лицом и рассказать о том, во что он играл. Цель этой техники — одновременно проявить уважение к защите ребенка, который изолируется, говоря только с самим собой, и в то же время заставить его вместе с нами использовать свой рассказ, чтобы извлечь из него смысл.

Нужно ли просыпаться, чтобы начать искать смысл сновидения? Именно так мы помогаем ребенку выйти из истории, которую он себе рассказывает, чтобы ввести в нее нового героя — аналитика — который развеет ее чары и придаст ей смысл. Чтобы думать, нужно открыть глаза!

Не все игры характеризуются таким уходом в себя, и очень часто можно вмешаться, поддержав рассказ, обращенный к нам ребенком, хотя его герои и стремятся нас перебить.

Есть игры, которые — не что иное как отыгрывание: ребенок может бесконечно возиться, сопровождая свою возню звуками и шумами, а не членораздельными словами, так что из повторения почти одного и того же не образуется никакой закономерности. Например, ребенок может сталкивать машинки, издавая звук, похожий на взрыв петарды, которая взмывает в небо и спускается только за тем, чтобы взорваться снова — с тем же самым звуком. Так время может тратиться впустую в течение всего сеанса, если мы не предпримем необходимые меры.

Эти действия — не игра: это вытеснение *бета*-элементов, как сказал бы Бион, то есть эмоциональных переживаний, не связанных ни с каким смыслом. Мне кажется, что прекращение такого вытеснения побуждает ребенка обратиться к другим средствам, которые позволят нам сыграть роль сосуда для его проекций. Это совсем не одно и то же — бесконечно бросать шарик об стену или бросить игрушку в подушку, тогда как на самом деле ребенок собирался атаковать нас самих. В первом случае проекция включена в акт повто-

рения, уничтожающий ее смысл, а во втором случае ее нужно «поймать», чтобы понять.

Когда ребенок погружается в игру, порой кажется, что у него массированная проективная идентификация с элементами этой игры.

Мне вспоминается маленький мальчик, который играл со своими зверями: он хватал их, переставлял, хрюкал вместе с поросенком, рычал со львом, а когда я хотела сделать комментарий, он либо меня не слышал, либо выходил из игры так, как будто попал на другую планету. В таких условиях игра протекает у нас перед глазами как река, и мы должны на время ее остановить, чтобы понять, что она несет. Нам хотелось бы получить «стоп-кадр», чтобы дать ребенку возможность одновременно посмотреть и на нас, и на свою игру. Взглянув на игру со стороны, ребенок может начать преодолевать свои проективные идентификации и понять, идентифицировавшись с нами, что это не он находится в своем внутреннем театре, а театр располагается внутри него. Мы приглашаем ребенка очнуться ото сна, поняв, что это только сон, а не реальность — за которую мы принимаем свой сон. Одним словом, мы приглашаем его пробудиться.

Бывает, что ребенок хочет включить нас в свою игру и предлагает нам оставить позицию наблюдающего и понимающего аналитика. Он также может попросить нас поиграть с ним. Я не рекомендую этого делать так же, как не рекомендую, чтобы ребенок играл с нашим телом и трогал нас. Это, естественно, не относится к маленьким детям, которым еще нет и двух лет, и о которых я буду говорить в конце этой книги. Такие дети не поймут, что мы запрещаем им нас трогать или не берем игрушки, которые они нам протягивают. В их случае даже рекомендуется брать формочки, шарики или кукол, чтобы интерпретировать то, о чем они нам говорят на своем языке. Но дети постарше, когда хотят, чтобы мы активно участвовали в их играх, склонны обращаться с нами как с марионетками: в интрузивной проективной идентификации они захватывают изнутри нашу идентичность и заставляют нас играть ту или иную роль. В это время, в силу магического мышления, они убеждены, что контролируют нас, и что мы не можем освободиться, чтобы интерпретировать то, что происходит у нас на глазах. Каждый раз, когда мы отказываемся играть роль, которую они нам назначили, каждый раз, когда хотим сохранить позицию аналитика, такие дети склонны раздражаться. Они хорошо понимают, что мы не хотим участвовать

Содержание

A. Предварительные замечания 6
A.1 Первое собеседование с ребенком 8
A.2 Продукция ребенка 12
A.2.1 Игра 12
A.2.2. Рисование 15
A.2.3. Ведение записей 24

B. История интерпретации 32
B.1 Интерпретация у Фрейда 33
B.2 Интерпретация у Мелани Кляйн и ее отличия от интерпретации у Анны Фрейд 37
B.3 Интерпретация у Биона 42
B.4 Моя точка зрения 43

C. Природа интерпретации 47

D. Перед интерпретацией 54

E. Время интерпретации 73

F. После интерпретации 101

G. Работа с совсем маленькими детьми 104

В виде заключения 110

Литература 112